

Generation P in the Tundra
Abstracts

October 8–10, 2004

Department of Folkloristics, Estonian Literary Museum, Tartu

8-10 October 2004: Generation P in the Tundra

Tartu, Estonia

Viktor Pelevin's cult book "Generation P", published in 2000, describes a new, consumption-oriented generation of Russians and their world, where Pepsi Cola has acquired more importance as a status symbol than poesy. Our choice of using the title of this book as the title for our conference underlines the intention to move away from the classical issues of Siberian anthropology and to discuss the creation as well as the influence of mass culture and urban culture on the indigenous youth. We welcome contributions from a very wide range of issues connected with the indigenous youth, for example:

- the question of how education influences traditional economies and people who work there;
- the question of how pop music and other items of fashion shape young individuals' identities and everyday lives in the tundra, taiga and in the villages, and how they use such imagery and symbols to express themselves;
- state policies of culture in rural regions (music schools and Houses of Culture as officially legitimised spaces for folk dance and music);
- a reassessment of the wide-spread tenet that the indigenous youth has lost their culture and become rootless;
- the growing tendency among the indigenous youth to move to cities and study at universities;
- the role of the internet and video culture in indigenous communities; etc.

We intend to bridge the gap between different academic disciplines and fields and therefore encourage not only anthropologists to participate: the discussion is open for representatives of all disciplines and we hope to receive contributions also from social workers and other individuals working on concrete youth-related projects. If you are interested in participating in the conference, please send an abstract of your presentation (approximately 250 words) to:

Contact: Aimar Ventsel, Estonian Literary Museum, Vanemuise 42, 51003 Tartu, Estonia
Fax: +372-7-377706
Tel.: +372-7-377741
E-mail: genp@folklore.ee

Conference home page: <http://www.folklore.ee/rl/fo/konve/generation.pdf>

Compiled by Aimar Ventsel
Layout Liisa Vesik

© Copyright 2004 Estonian Literary Museum, the authors

ISBN 9949-418-00-3

Contents

Does Life Make More Sense Now? Young People's Life Projects And The New Sense Of Stability In The North Of Russia. <i>Otto Joachim Habeck</i>	4
Поселковые ненцы на Ямале – кто они? <i>Elena Liarskaia</i>	6
“Что же будет с Родиной и с нами?” Молодые буряты отвечают на вопрос: “Легко ли быть нерусским в России?” <i>Radzhana Dugarova</i>	7
Beyond Traditionalistic Boundaries: Including Strategies In “Invention Of Tradition” <i>Marina Hakkarainen</i>	9
Kickboxing, Break-Dance And Punk Rock Versus Wrestling, Round Dance And Folk Music? <i>Stefan Krist</i>	10
On Invented Cultures With Authentic Traditions. <i>Alex King</i>	11
Роль поп-музыки и других явлений современной культуры в сохранении коми языка. <i>Nikolai Kuznetsov</i>	13
The Role Of Young People In The Resistance Against The Soviets Among The Northern Peoples In The 1920-40s. <i>Art Leete</i>	14
Влияние образования на традиционную жизнь села. <i>Marian Mikhail Aleksandrovich</i>	15
The Cheated P-Generation. <i>Mikk Sarv</i>	16
Как поп-музыка и другие выражения современной культуры формируют самоопределение и каждодневную жизнь молодежи, и как она использует ее образы для самовыражения. <i>Sirotin Anton</i>	17
Танцевально-пластическая традиция коренных народов Крайнего Севера в современной культурной ситуации. <i>S. L. Chernyshova</i>	20
“Bright Future”: Living Without Electricity As A New Experience Of Evenki Village Youth In South Siberia. <i>István Sántha</i>	23
Ethnic Identity And Globalization Of Youth Indigenous Culture In The North Of Russia. <i>Tatiana Bulgakova</i>	25
Thoughts On Generation And Collective Identity In The Nenets Autonomous Okrug, European Russian North. <i>Florian Stammler</i>	26

Does Life Make More Sense Now? Young People's Life Projects And The New Sense Of Stability In The North Of Russia

Joachim Otto Habeck

Siberian Studies Centre, Max Planck Institute for Social Anthropology

PO Box 11 03 51, D-06017 Halle (Saale), Germany

habeck@eth.mpg.de

In this paper, I seek to analyse how young individuals in a northern region of European Russia see their situation, think and make plans for the future, and connect their thoughts with the country's general political situation. The paper is based on anthropological fieldwork carried out in 1998/99 and a survey conducted in early 2002 in the Komi Republic and the Nenets Autonomous Okrug among indigenous and non-indigenous inhabitants of rural and urban settlements. It will draw mainly on young people's written and oral interpretations of their society and their situation within it, rather than on their actions and interactions in practice. The contribution represents an attempt at using the tools and the paradigms of cultural studies in the setting of the Russian North and thereby at going beyond the objectivist gaze of social scientists on their "native" informants that has been characteristic for anthropological studies in this region.

While most inhabitants of the Russian Federation remember the 1990s as a period of "mess" (*bezobrazie*), the first years of Putin's presidency are commonly being associated with slight yet noticeable economic growth and a higher degree of "stability" in general. One may assume that this perception of the overall political situation translates into more trust into one's own future and more scope for realising one's plans. As a first step, this paper explores to what extent, and in which ways, the political idea of "stability" articulates with young people's expectations about their future(s) and prompts them to plan their own life projects more confidently. To put it in simple words, the question is whether for a young person in the Russian North, life "makes more sense" now than it did about ten years ago.

As a second step, the paper will pay particular attention to gender aspects of young people's life projects, and their ideas about family. The assumption here is that key events and stages in one's life, such as entering higher education or the army, parenthood, marriage and divorce may have changed their normative and practical relevance and meaning on the socio-political as well as personal level. [*Should say a bit more about gender and family*].

By presenting interpretations and emic perspectives of young inhabitants of the Russian North, I seek to contribute to the ongoing academic and non-academic debates about the assumed loss of traditional culture among indigenous youth, the role of higher education and the phenomenon of rural–urban migration.

Поселковые ненцы на Ямале – кто они?

Elena Liarskaia

Традиционно коренное население Ямала вело кочевой образ жизни. На сегодняшний день, согласно официальной статистике кочует только половина коренных жителей, а вторая живет в поселках и городах. Значительная часть поселковых ненцев – это те, кто родились и выросли в тундре, и не вернулись в тундру после школы. В последнее время все более увеличивается новая категория поселкового населения – те, кто родился уже не в тундре, а в поселке (то есть дети первых).

Жители поселков, поскольку они не ведут традиционного образа жизни, редко привлекают внимание исследователей-антропологов. Более того, хотя им и не посвящают отдельных исследований, их часто описывают как людей, которые утратили связь с родной культурой, но не стали при этом русскими, “цивилизованными”; поэтому они не имеют твердой опоры в жизни и довольно быстро люмпенизируются

Однако, число поселковых ненцев на сегодняшний день уже слишком велико, чтобы исследователи просто могли пренебрегать этой группой, кроме того, ни они сами, ни, как нам известно, окружающие не перестали считать их ненцами, а значит и антропологи не имеют права сбрасывать их со счетов описывая современную ненецкую культуру.

Доклад предполагается посвятить вопросу о месте жителей поселков в ненецкой культуре, факторам, определяющим выбор человека между поселком и тундрой и тому, как строятся их взаимоотношения с тундровиками. По моим предположениям, в поселке формируется особый тип ненецкой культуры, который, хотя и коренным образом отличается от тундрового, но признается всеми как допустимый и возможный вариант.

“Что же будет с Родиной и с нами?” Молодые буряты отвечают на вопрос: “Легко ли быть нерусским в России?”

Radzhana Dugarova

стажер-исследователь Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, Отдел Севера и Сибири.

В начале марта 2004 г. в газете “Номер Один в Бурятии” появилась информация о том, что в г. Орел группой скинхедов были избиты шестеро бурятских спортсменов – членов сборной России по стрельбе из лука, причем одна девушка была доставлена в больницу в тяжелом состоянии. Администрация города и милиция продемонстрировали полное безразличие к происшествию, не приняв должных мер к задержанию хулиганов. Подобная реакция власти к экстремистским выходкам и преступлениям на расовой и национальной почве, к сожалению, стала обыденностью в полиэтнической России. Беспрецедентный успех националистического блока “Родина” на минувших выборах стал одним из показателей роста ксенофобии в России.

Заявление президента Путина о существовании единого российского народа, сделанное им в Чувашии, вызвало неоднозначные отклики у молодых участников форума сайта www.buryatia.org. Кто-то решил, что налицо стремление центральной власти слить все этносы в единую безликую массу под названием “российский народ”. Кто-то считает, что “руководство страны, наоборот, только начинает доходить до мысли, что население России не просто русские, а именно россияне, и что попытки ассимилировать другие, менее численные национальности, в том числе и малые народности, не приведут ни к чему хорошему”.

Молодые люди отмечают следующие факторы, влияющие на рост ксенофобии и расизма. В предвыборном телевизионном ролике партии власти “Единая Россия” не было показано ни одного неевропейского лица, так что создавалось впечатление, что Россия – мононациональная страна. На телевидении нет ни одной постоянной программы, которая знакомила бы зрителей с культурами народов, населяющих Россию, в то же время в юмористических программах

эксплуатируются карикатурные образы представителей различных национальностей: чукчи, грузины и т.д. Т.о. политическая корректность остается абстрактной идеей в России.

Beyond Traditionalistic Boundaries: Including Strategies In “Invention Of Tradition”

Marina Hakkarainen

The European University at St. Petersburg

The last decade ethnographers studying the indigenous people of Siberia the record explosion of “ethnic self-consciousness” in these groups, and note the increased interest of people to their own tradition. This trend is usually described by students in terms of “invention of tradition” and interpreted as a process of building of ethnic and cultural boundaries between groups based on the political and economic interests. In fact it is seen as building of line of demarcation between indigenous peoples and Russian newcomers. According to this view “invented tradition” is usually relies on ethnographic data of the last two centuries (which had a significant role in construction of image of indigenous tradition), and on the people’s own efforts directed at the gathering of oral evidences about ancient times. In this case the strongest cultural marker for indigenous people is shamanism. Shamanism becomes a symbol of special spirituality or knowledge of indigenous population. The other trend in search of special spirituality – inclusion into the large scaled society – usually ignored by scholars.

It should be mentioned that the collapse of soviet ideology (and other problems – economic, ecological, etc.) in the previous Soviet Union gave an incitement for searching of new spirituality all over the country. One of the consequences of it was turning of different groups of people (usually *intelligentsia*) to different kinds of popularized eastern esoteric literature.

In my presentation I want to demonstrate how the new spiritual discourse penetrates the traditionalistic one in case of inhabitants of Markovo village in Chukotka.

Kickboxing, Break-Dance And Punk Rock Versus Wrestling, Round Dance And Folk Music?

Stefan Krist

Two trends can be observed in Buryatia in post-Soviet times which might seem incompatible: a revitalisation of traditional culture is combined with a plunge into capitalism and western cultural values. This paper discusses how these apparently opposing trends affect young Buryats in sports, music and dance: traditional wrestling and horse racing contrast e. g. with modern arm-wrestling and parachuting, the old Buryat round dance contrasts with aerobics, break-dancing and the like and the traditional folk music contrasts with disco, techno and punk rock.

Sporting events stand central to the Surkharban, the most important of the national holidays, but music and dance are also included. The Surkharban is used here to indicate which sporting and cultural activities are both officially accepted and informally popular and those for which the reverse is true. Other competitions and holidays, together with Buryat radio and TV programs are similarly analysed. Insight is also provided by the curriculae at schools and universities.

The analysis shows that the traditional and the modern influence each other and intertwine to a remarkable degree, both in more informal expressions of culture, such as the activities of punks, as well as in organised cultural activities including the Surkharban. The Surkharban holiday is shown to combine differing sporting and artistic activities, both traditional and modern, without evoking tension or disapproval. At a more informal level the compatibility of the old and the new is also evident, for instance in the recently developed Buryat pop music: traditional folk tunes, sung in Buryat but using pop rhythms.

On Invented Cultures With Authentic Traditions

Alex King

The paper will present an anthropological theory of culture and traditions by drawing upon material from Kamchatka, Russia in 1995-2001. The regional House of Culture in Palana, Koryak Autonomous Okrug, was (and continues to be) a dynamic institution supporting performances in dance, music, and theatre in the small administrative centre. Koryak culture (and those of other local groups) was an omnipresent backdrop to much of the artistic creativity in the KAO House of Culture. In many ways, this cultural creativity echoes the culture theory of Edward Sapir and Roy Wagner. After comparing Kamchatkan discourses on culture with Boasian theory, the paper will outline a theory of culture which overcomes recent challenges by Fox & King (eds.), Kuper, and others.

Роль поп-музыки и других явлений современной культуры в сохранении коми языка

Nikolai Kuznetsov

Воздействие массовой культуры на коренную молодежь велико. Причем результаты процессов, происходящих в массовом сознании под влиянием современной культуры, в частности, поп-музыки, к сожалению, говорят не в пользу развития национального самосознания и сохранения языка коренного населения.

Положение усугубляется все возрастающей тенденцией переезда молодежи из сельской местности, где еще имеется соответствующая почва и атмосфера для прогрессирования коми языка, в города на учебу в вузах и т.п. Городская культура воспринимается как эталон, как признак “культурности”, в то время как все связанное с селом (= коми?) является отсталым (пренебрежительное “деревня!”) и неприемлемым для подражания. Городские шаблоны без изменений переносятся на деревню.

Нельзя сказать, что коми поп-музыка и эстрада на коми языке не существуют. Они есть. Естественно, им не достичь популярности столичных артистов, но это и не должно быть целью. Коми поп-музыку необходимо “раскрутить”, но где нужные для этого каналы? И кто в этом заинтересован, кроме патриотов, фанатов, отдельных личностей и коллективов, напрямую связанных с поп-культурой, “делающих” музыку и т.д.?

Любая сфера функционирования языка жизненно необходима для полноценного развития этого языка. Каждая область, где язык выпадает из активного употребления, есть шаг на пути к вымиранию ононого.

The Role Of Young People In The Resistance Against The Soviets Among The Northern Peoples In The 1920-40s

Art Leete

Resistance that occurred among the northern peoples against the Soviets during the 1920-40s was carried out mainly by the adult male population. At the same time, their families were involved into these events, also. If people gathered into camps or moved away from the Soviet administrative centres during these resistance activities, in the most cases families hold together. So women and young people were involved into the resistance, anyway.

In most cases this involvement was passive. Women and children just followed the male heads of families as they traditionally did. After these resistance movements were oppressed, many adult males were arrested by the Soviets. Women and children remained in the taiga and tundra. They suffered from lack of food and famine was especially severe for children, many of whom died during the period following to indigenous uprisings.

But the role of women and young people was not only passive during these resistance events. Even the Soviets admitted that in many cases women and children fought against the Red Army units with male population. And that they were as desperate in this as males. This provoked special attention from the Soviet side so that in some cases also young people were killed during the oppression activities.

The last important issue is that generation that was young during these resistance movements carried the memories and folklore about these events with them into the 1990s when it became possible to talk about the resistance of early Soviet period. As this resistance is extremely important also for northern peoples' contemporary identity, this issue cannot be underestimated.

Влияние образования на традиционную жизнь села

Maian Mikhail Aleksandrovich

Санкт-Петербург

Государственная полярная академия

Дневная форма обучения 3 курс

Факультет Государственного и муниципального управления

Говорить о влиянии образования на традиционную экономику нельзя без знаний традиций людей, которые получают это образование. Именно через традиции человек раскрывает для себя такое понятие как выгода, в соответствии с которым будет вести обмен товарами. Эта аксиома нарушается в тот момент, когда человек выходит в своей предпринимательской деятельности за рамки общности традиций тех с кем обменивается. Поясню. Однажды предпринимателю становится тесно в рамках рынка общины, в которой он живет, и расширение торговли требует установления контактов с предпринимателями из других общин. Именно здесь возникает вопрос взаимопонимания между людьми, а именно знания культуры того с кем хочешь установить контакт по поводу извлечения выгоды. Возникает необходимость знаний при помощи, которых люди поймут друг друга. Таковыми и является знания в области культурологии, этнологии, религиоведении и этики.

- Село переживает не лучшие времена, причиной тому отсутствие героев. Герои легенд, которыми богат фольклор села, уходят на второй план, уступая место героям телесериалов, например Саше Белому (из кинофильма “Бригада”). Сельские ребята смотрят телевизор и думают, что город это то место где сбываются мечты, не догадываясь, что для того чтобы чего-нибудь добиться необходимо, учиться. Создаётся определённый тип мышления, назовём его телевизионным. Молодёжь сельская начинает подражать молодёжи городской. Но реальность такова, что культура города отличается от сельской. У сельской молодёжи пропадает желание жить в реальности, они хотят жить той таинственной городской жизнью. На этой почве возникает внутриличностный конфликт, который приводит к апатии и нежеланию, что-либо менять. Молодёжь видит самовыражение через

идентификацию себя с героями телеэкрана в силу слабой психологической защиты – рефлексии. Отсутствие рефлексии ведёт к духовной слепоте и отсутствию сопротивляемости к внушению.

- Так мы сталкиваемся с понятием поп-культура, которое создаёт другой мир, в котором растворяется индивидуальность.

- Решение этих вопросов лежит в компетенции государства, а именно политики в области культуры. Здесь уместно будет упомянуть о домах культуры (местах досуга молодёжи). Банальная нехватка профессионально подготовленных людей, которые были бы заинтересованы в организации таких мест, где молодёжь могла бы под их руководством заниматься общественно полезными, а сейчас и общественно безопасными делами.

- Но, по-моему, рано говорить о потере сельской молодёжью своих корней, пока существует преемственность между поколениями. Есть ещё те, кому не безразлично будущее культуры своего села, города, страны – народа.

- В том, что сельская молодёжь едет за знаниями в город нет ничего удивительного. Ведь именно в городе можно увидеть воочию то о чём читал в книгах. Но опять же далеко не все приезжают за этим, большинство приезжают в большой город, говоря языком этнологии – ассимилироваться.

- Интернет во многом упрощает коммуникацию людей, но помимо позитивной стороны удобства общения, Интернет кроет в себе и негативную сторону, а именно Интернет болезнь, назовём её – Интернет булимией. Другими словами человек не хочет или не может контролировать время пребывания в Интернете. Следовательно, падает уровень культуры (визуального) общения и мы опять приходим к необходимости образования.

The Cheated P-Generation

Mikk Sarv

Estonian School Forest Society

Saami women's sacrifice for self confidence

About ten years ago, when I accompanied Saami singers on their way from Tallinn over the Baltic Sea to Helsinki, they told me that they bought the favor of the sea. I got curious and asked how. They taught me, how. When you are on unknown waters, it's good idea to throw in the water a silvery coin. This sacrifice connects you to the spirits of water and your journey runs smoothly. They told also, how they bought the favor of my country. When they arrived a day before to our Open Air Museum, they first threw to the ground a copper coin with the intention to be welcomed by the spirits of the land. This intimate connection to one's immediate environment is characteristic for all First Nations.

Cheated P-generation

The P-generation is brainwashed from kindergarten age with the concept that this connection is fake. They are told that the real thing is not that what is happening at the moment around you. Reality is said to be far away, in man-made products and trade marks like Pepsi, Coca, potato chips, Nike, MTV etc. Nobody told P-generation that the pulsating life of wilderness around them is something that people long for.

School Forests

Most efficient learning takes place outdoors, in places, where biodiversity is high. The School Forest movement aims to enable schools to find and explore the green classrooms of outdoors. The First Nation reindeer herds, hunters and fishers are the best rangers to teach the immediate, real life there.

Как поп-музыка и другие выражения современной культуры формируют самоопределение и каждодневную жизнь молодежи, и как она использует ее образы для самовыражения.

Sirotin Anton

РГПУ им. А.И. Герцена

Никогда еще в истории человечества не раздавалось столько музыки. Хотим мы этого или нет, нас купают в музыке в супермаркетах, на вокзалах, в офисах, в ресторанах и квартирах друзей. Музыка стала неотъемлемой частью нашего общества. Действительно, современная молодежь все чаще обращается к музыке протеста, которую привязывают к раздумьям о жизни, к действиям, к борьбе. Слившись с ритмами рока, она стала еще более актуальна для нас. Но это вовсе не значит, что в музыке всегда бешеный ритм. Иногда песня льется сдержанно, проникновенно под аккомпанемент гитары. И все же в ней чувствуется темперамент рока. И хотя песни протеста иногда поют тихим голосом, их слышит весь мир. Рок-музыка так сильно воздействует на людей, потому что она несет что-то новое. В силу своей импровизационной природы она чрезвычайно насыщена, свежа, искренна, в отличие от многих произведений так называемого серьезного искусства.

Влияние музыки на молодёжь очень велико. Нельзя отрицать, что музыка сильно влияет на мировоззрение молодого человека, как в лучшую, так и в худшую сторону. Музыка может создать ложное представление жизни, жизни в которой нет проблем. Так же может показать реальность. Музыка стала неотъемлемой частью нашего общества. В свою очередь, потребности и др. параметры слушателя сформированы социальной средой. Поэтому восприятие музыки так же обусловлено социально, как и творчество или исполнительство. В частности, социальные факторы играют ведущую роль в образовании как индивидуальных, так и массовых истолкований и оценок музыкальных произведений.

Какой из факторов окружающей среды в социологическом смысле сегодня оказывает наибольшее влияние на человеческое общество на обыденном, обыденно бессознательном уровне?

На том самом уровне, который, в общем, и определяет направление поведения человека, определяет его реакции на самые простые жизненные ситуации, его принципы, его идеалы? Откуда сегодня мальчишки берут своих героев, а девушки – принцев? Что является отдушиной для престарелых бабушек, романтиков, любителей острых ощущений, т.е. всех.

Много раньше, на заре человеческой истории, это были мифы и сказания, позже – религия, позже – книги. Именно из этих источников герои прошлого черпали свои силы, именно посредством них формировали свои принципы диктаторы. Сегодня место этих источников информации занял другой – кино и телевидение.

С экрана телевизора проповедники ведут свои проповеди, на этом голубом экране герои совершают свои подвиги, а женщины – любят...

Именно телевидение и кино сегодня оказывают, пожалуй, превалирующее влияние на общество. Кино и телевидение – это, прежде всего, источник информации. Который оказывает влияние на:

- формирование представление о мире и царящих в нем законов;
- формирование образа хорошего и плохого;
- формирование норм поведения.

С помощью телевидения можно влиять на:

- общую информированность населения о процессах, протекающих как в одной данной стране, так и за рубежом;
- толкование этих процессов;
- информированность о мире вообще.

С помощью кино можно влиять на:

- развитие и формирование представлений о “должном” (нравственности, морали, долге и т.д.);
- развитие общей линии поведения в определенных ситуациях;

- формирование личностных особенностей индивида.

Кино и телевидение стали основными орудиями правящих групп для формирования общественного мнения, направляя социальные процессы в нужное русло. Кино и телевидение – пока лишь слабо управляемый социологический фактор. И если вовремя не поставить под строжайший контроль использование этого фактора – последствия могут быть необратимыми. Их мы будем ощущать в обществе ежедневно. Это и детские психозы, и повышающийся уровень насилия, и понижающийся общий моральный уровень. Причем здесь вредит как излишняя неинформированность, так и ее чрезмерность!

Музыка, кино, очень сильно влияют на молодого человека, формируют его мировоззрение. Под влиянием этих факторов многие молодые люди отказываются от своего прошлого, традиций, образа жизни. Стремятся к “Американской мечте”. Особенно это проявляется в сельской местности, где отсутствует возможность “проверке” получаемой информации. Сериалы, транслируемые по телевизору, создают образ беззаботной жизни, психологически влияют, следствием чего возникает отсутствие интереса к проблемам своего города, района, деревне, так как мысленно человек находится именно в том месте, которое он видел в сериале. Человек пытается вести, такой образ жизни как в сериалах, не понимая, что жизнь основана на труде, работе. Отсутствие внимания к данной проблеме со стороны государства усугубляет положение. В результате мы получаем поколение, воспитанное на рекламе Пепси и Кока – Кола.

Правительство малазийского штата Келантан, где у власти находятся представители оппозиционной исламской партии, объявило о запрете на выступления музыкантов поп – и рок-стиля, мотивируя решение отрицательным влиянием современной музыки на мораль молодежи штата.

Танцевально-пластическая традиция коренных народов Крайнего Севера в современной культурной ситуации.

S. L. Chernyshova

Санкт-Петербург

Внимание к традиционным культурам коренных народов России, в частности, народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – характерная особенность современной культурной ситуации и современного гуманитарного знания. Это связано и с экологическим кризисом, заставляющим присматриваться и даже возвращаться к опыту традиционных культур, выработавших адекватные способы взаимодействия и сосуществования культуры и природы; и с нарастанием духовного кризиса в современном обществе, утратой преемственности по отношению к ценностям предшествующих поколений, заставляющим обращаться к оптимальным методам социализации, выработанным традиционными сообществами; и с потерей этнокультурной идентичности современной молодежью на фоне нарастания процессов глобализации культуры.

Исследование культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, сохранение и поддержка их этнокультурной идентичности имеет также большой социальный и политический смысл, связанный с той огромной ролью, которые играют богатые природными ресурсами территории проживания этих народов в экономике России.

Танцевально-пластическая культура – важнейшая и во многом сохранившаяся часть традиционной культуры коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Танцевальная пластика этих народов очень представительна по отношению к культуре в целом, выражает ее основные ценностные установки, органично входит как в бытовую, так и в художественную, обрядово-ритуальную, религиозную сферы культуры. Фольклорный танец является одним из древнейших видов пластического выражения многообразия чувств человека, его мировоззрения, системы ценностных ориентаций.

Исследование процесса эволюции танцевально-пластической культуры имеет значимость для культурологии, этнологии, фольклористики, т.к. затрагивает сами механизмы осуществления преемственности, передачи культурной традиции, позволяет уточнить понимание современного существования фольклора, соотношения в нем неизменного (традиционного) и изменяющегося (новаторского).

Богатейшая танцевальная традиция народов Севера, Сибири и Дальнего Востока изучена еще явно недостаточно. Данная ситуация связана прежде всего с особенностями самого материала: со способом его существования и передачи в “устной” традиции и, соответственно, с отсутствием строгой фиксации; высокой вариативностью в исполнении и большим значением импровизационного начала; разной степенью сохранности у разных народов. Между тем изучение северной танцевальной традиции необходимо по крайней мере по двум причинам: во-первых, с точки зрения сохранения ценностей фольклора и традиционной культуры северных народов, органичной частью которых является танцевально-пластическая культура; во-вторых, с точки зрения развития современной культуры этих народов для которых танцевальная традиция является важнейшим источником творчества.

Танцевально-пластический фольклор отличается особой динамичностью, способностью изменяться. Сегодня эта сфера фольклора представляет собой сложный конгломерат традиционного и нового, исконно своего и заимствованного. Каждый новый элемент здесь, входя, приспособливается к уже имеющимся и, одновременно, приспособливает их к себе. Хореографическая преемственность осуществляется прежде всего путем таких трансформаций. Эти трансформации как бы адаптируют танцевальный жанр к новым условиям до тех пор, пока его существование в целом отвечает потребностям общества.

В практике современных фольклорных коллективов сегодня наблюдаются по крайней мере две основные тенденции. Первая из них связана с попыткой максимально точного этнографического воспроизведения материала. Здесь становится совершенно очевидным, что такое воспроизведение возможно только в аутентичной среде, в том числе и природной. Такой способ совершенно необходим, так как речь идет о сохранении самих источников. Другая тенденция определяется

потребностью сценического показа фольклорного материала, позволяющего выводить его в широкий культурный контекст, делать доступным для представителей других культур. Такой подход не может не ориентироваться на особенности современной коммуникации, современной и зрительской психологии. Но здесь возникает опасность “эстрадизации”, искажающего воздействия стереотипов массовой коммерческой культуры. Это приводит к отказу от аутентичного материала, к девальвации духовных, художественных ценностей традиции. Для адекватного сочетания аутентичности и сценичности требуется высокий профессионализм, глубокое знание самого материала и его коммуникативных возможностей. А это, одновременно, и научно-исследовательская, и художественно-практическая задача. Но, на наш взгляд, альтернативы такому подходу сегодня не существует.

“Bright Future”: Living Without Electricity As A New Experience Of Evenki Village Youth In South Siberia

István Sántha

Siberian Studies Centre, Max Planck Institute for Social Anthropology

PO Box 11 03 51, D-06017 Halle (Saale), Germany

santha@eth.mpg.de

This paper deals with young peoples' activities, life-styles and ideas in a context when contemporary, so-called “post-Soviet” life comes to resemble life in a distant early Soviet past. The paper is based on my studies on youth (generations) and gender in Siberia, which are part of a joint research initiative of the Siberian Studies Centre at the Max Planck Institute for Social Anthropology in Halle (Germany). This research connects with my individual research interests in the field of “Ethnicity, land and hunting in ideology and practice: social ties in different ecozones of the Baikal Region”, especially the interethnic relations and mixed marriages among the Buryats, Evenki and Russians.

I conducted fieldwork in and around Verkhnie-Tuturi, a predominantly Evenki village in the central part of Irkutskaja oblast', from September to November 2003. There was no electricity in this village except during the very last few days of my stay. Electricity became available only when the first lorry with petrol was able to reach the village. The road to the village cannot be used from the late April till the beginning of November, depending on the ecological situation and the weather.

Thus, from July to November there was no public television, no disco (no Pepsi either!), and the club was closed all the time. Village life was in striking difference to the “bright future” that had been promised in Soviet ideology.

In this period, the village youth had less choices in different activities and life-styles. They lived in ways similar to those of their parents. In the absence of other possibilities to spend their time, young people spent more time with fishing and preparations for hunting, helped their relatives and neighbours, etc. From my perspective, this way of life is similar to that of a previous period: the late Soviet period from the mid-sixties to the eighties. This period is symbolised and represented by certain elements of

infrastructure, the outer appearance of the village, the atmosphere of the village as a public space, and the ways how bureaucracy works. All these elements are remains and reminders of this period.

However, contemporary village life without electricity resembles in some sense a period even further “back in time”: the thirties, when life was harder and poorer, less “cultured” less organised, less controlled by Soviet power, with less possibilities of being different from the elders and less diversity of lifestyles. What, then, does modern life mean under such conditions? What do young people think about this type of life and how do they connect it with their ideas about the past?

I would like to show the life of the youth in this period in an Evenki village on the basis of my semi-structured interviews with youth and my personal (indirect) experiences (participant observation) against the background of, and in contrast to, my involvement mainly with the lives, ideas and attitudes of members of the elder generations.

Ethnic Identity And Globalization Of Youth Indigenous Culture In The North Of Russia

Tatiana Bulgakova

Youth revolt against the forces of cultural uniformity and unified way of life is a significant part of nativistic movement among the indigenous peoples in the North of Russia. Indigenous youth culture, which results from this movement, paradoxically is opposed to still remain tradition culture of the elders. Youth revolt directs against the culture of the middle-age generation that accepted cultural change and dissembles real manifestation of the traditional nature still present in the contemporary culture. The young people prefer to search for the sings of ethnic culture not among their neighbor elders, but from the media and films (romanticized neo-shamanism, healing practices, discotheques, youth stile of clothes). They do not realize that their willing to ‘ethnic identity’, as they understand it, substitutes them not for the other ethnos, but for both elder generations, the one, who lost the traditional culture and the other, who still preserves it. It sets youth culture apart from ‘adult’ culture in global dichotomy.

**The "New Native Intelligentsia" In The European Russian North:
Thoughts On Generation And Collective Identity In The Nenets
Autonomous Okrug, European Russian North**

Florian Stammler

Scott Polar Research Institute, University of Cambridge

fms36@cam.ac.uk

Processes of cultural revival and native self-determination in the Russian North have been advanced since the mid-1980s mainly by representatives of indigenous peoples trained in literature, fine arts, language studies or other humanities at the Gerzen Institute in Leningrad (later: St. Petersburg). Prominent figures of this generation established the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East (RAIPON), as well as representations of indigenous peoples at the regional level.

This presentation sheds light on changing agendas of, and changing approaches to, political representation of indigenous peoples with the arrival of a new generation of young native leaders.

I contend that the GENERATION GAP between the former and the present native leaders is more significant than the ETHNIC GAP between natives and Russians. Shared memories of a common youth during perestroika and the struggle for orientation in the immediate post Soviet years connect present native leaders more to non-indigenous entrepreneurs, traders and oil workers of their generation than to their predecessors in the native intelligentsia. I argue that these new native leaders help the youngest generation in Nenets villages with guidance in career, social identity and future plans. Their integrative role for their communities, bridging the distance among tundra, village, town and centre is difficult to overestimate.

These processes have a significant positive influence on the evolution of civil society. They also have a direct impact on important decision-making on capacity building among indigenous residents during the rapid economic development of the oil extracting regions in the Russian North.